

© 2005 г. В.З. САННИКОВ

ОБ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ*

В работе рассматриваются основные виды русской языковой шутки – каламбур, параномазия, ирония, пародия, перепев, парадокс, абсурдистская острота. Основное внимание уделяется истории этих видов словесного юмора на протяжении веков. На большом материале из художественной литературы и русского фольклора прослеживаются пять вопросов: 1. Отношение к юмору в разные периоды и в разных жанрах письменной речи; 2. Функции языковой игры; 3. Изменения в жанровом составе языковой игры; 4. Изменения в технических приемах создания комического; 5. Эволюция шуток, где превалирует смысловая сторона (абсурд, парадокс, ирония).

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Разумеется, эта сложная и очень интересная тема требует более серьезного исследования, и моя статья – не более, чем краткие заметки на эту тему. Хотя я многие годы занимался русской языковой шуткой, но в другом аспекте, без акцентирования внимания на динамике самого явления и его внешних проявлений (эволюция жанров, изменение видов словесного юмора, используемых технических приемов). Вторая особенность данной работы: значительное внимание уделяется слабо изученному вопросу о месте и особенностях юмора в СМИ (средствах массовой информации).

2. В сущности, всякое намеренно необычное использование языка (например, для создания художественного эффекта) – это языковая игра. Подчеркнем: речь пойдет не о словесной шутке в целом, шутке выраженной словами (есть еще шутки музыкальные, изобразительные и т. д.). Для нас, естественно, главный интерес представляет один вид словесной шутки – я з ы к о в а я шутка, шутка “с двойным дном”, где кроме создания комического эффекта, подшучивания над людьми, жизненными ситуациями, есть также подшучивание над самим языком, над чем-то “необычным” в нем (например, использование одного слова для обозначения разных явлений – омонимия, многозначность и т.п.)

Языковая шутка имеет важное свойство, которое заставляет нас (несколько сужая тему исследования) остановиться именно на этом виде языковой игры. Это – отмечаемая многими исследователями с м ы с л о в а я и г р а м м а т и ч е с к а я з а к о н ч е н н о с т ь шутки. Даже если она не составляет цельного законченного текста, а лишь часть большого текста, она обладает а в т о н о м н о с т ь ю в структуре этого текста и легко, без существенных смысловых потерь может быть из него извлечена. Это делает языковую шутку идеальным объектом лингвистического анализа.

3. Языковая шутка, как и комическое в целом, – это такое отклонение от нормы, которое удовлетворяет двум условиям: 1) приводит к возникновению двух содержательных планов (от исходной точки совершается внезапный переход к конечному результату, резко отличающемуся от этой исходной точки); 2) ни для кого в данный момент не

* Статья подготовлена в рамках проекта “Современный русский язык: система – норма – узус”, финансируемого РГНФ (грант № 04-04-00160а).

Бесконечно признателен Ю.Д. Апресяну, С.М. Кузьминой и А.В. Санникову за ценные критические замечания.

опасно, а для воспринимающих шутку даже приятно, поскольку это отклонение вызывает в них, лишенных этого недостатка, чувство превосходства или же (в случае “интеллектуальных” шуток) довольство по поводу исправности их интеллекта (подробнее об этом см. [Санников 2002; 2003]).

4. Хочется хотя бы бегло коснуться одного общего вопроса, который считается окончательно решенным, а между тем нуждается в дополнительном рассмотрении.

Вспоминается остроумное (но, на мой взгляд, не совсем справедливое) высказывание Л. Лиходеева: “Даже очень хорошая острота должна быть как шприц: одноразового пользования”. Здесь ярко проявилось присущее многим (в том числе и писателям) снисходительно-пренебрежительное отношение к языковой шутке, как к явлению “несерьезному”, “разовому”, недооценка языковой шутки как акта художественного творчества, зачастую в каком-то отношении более значимого, чем некоторые многотомные романы. Ведь почил в Бозе многие и многие литературные произведения (вечная им память!), а шутки Крылова, Пушкина, Минаева, Лескова, Эмиля Кроткого и других – живут. Это вклад в нашу культуру. И в язык! Мы начинаем внимательнее относиться к нашему языку, больше любить его, даже снисходя к его “слабостям”, например, выражению разных смыслов одним словом. Это приводит иногда к непониманию и недоразумениям, но это же позволяет шутить и смеяться:

Что сказать о браке? – Хорошую вещь браком не назовут;

Женицы подобны диссертациям: они нуждаются в защите (Эмиль Кроткий).

И еще важнее другое: многие шутки обогатили язык, и не только пословицами, поговорками, яркими сравнениями, но и яркими фраземами и синтаксическими конструкциями, которые стали нейтральными употреблениями, используются нами успешно, ежедневно и многократно (*Денег кот наплакал; Скатертью дорога!; Золото, а не человек; Всем козам коза, мать – а не коза!* И т. д. и т. п.). Какие уж тут “одноразовые шприцы”!

5. История литературного языка “более динамична”, чем история русского языка в целом – главным образом, благодаря большему воздействию социальных факторов. История русской языковой игры, русской языковой шутки еще более динамична, поскольку здесь изменения обусловлены не только лингвистическими и социальными факторами, но отражают внутренние закономерности развития языковой игры как функционально-художественного явления. К тому же каждый из видов языковой шутки – каламбур, игра со значением слова, ирония, аллюзия, цитация и др. – имеет свою историю, и зачастую между этими видами возникает острая конкурентная борьба, происходит “пердел сфер влияния”.

Языковая игра в русской разговорной речи обладает целым рядом особенностей, в частности, большей непринужденностью, спонтанностью, неприязательностью (см. об этом в интересной работе [Земская, Китайгородская, Розанова 1983]). Естественно, что и сама история языковой игры в разговорной речи существенно отличается от ее истории в письменной речи (в частности, она менее подвержена воздействию социальных факторов). Поэтому на данном вопросе мы не будем останавливаться, он требует особого рассмотрения.

Коснусь пяти вопросов: 1. Отношение к юмору в разные периоды и в разных жанрах письменной речи; 2. Функции языковой игры; 3. Изменения в жанровом составе языковой игры; 4. Изменения в технических приемах создания комического; 5. Шутки, где превалирует смысловая сторона (абсурд, парадокс, ирония).

1. ОТНОШЕНИЕ К ЮМОРУ

1. В разные периоды жизни России с изменением политической обстановки менялось (в публицистике, да, пожалуй, и в самом народе!) отношение к месту юмора в жизни общества и к отдельным его формам. В середине XIX века борьбу за вседозволенность в литературе и в средствах массовой информации (СМИ) возглавил талантливый поэт и гениальный переводчик В.С. Курочкин:

*Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я.
Ведь, для мысли и для слова,
Чтобы Русь к прогрессу шла,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя.*

2. В период революции 1905-1906 г. наблюдается настоящий разгул хамско-холопской вседозволенности (не имеющей ничего общего с борьбой за демократию!). Некий Зиновий Исаевич Гржебин унизился (или – возвысился?) до того, что на обложке журнала “Жупел” портрет императора России Николая II изобразил в виде жирной задницы, увенчанной короной Российской империи.

3. Эта традиция сохраняется и в наши дни, в конце XX – начале XXI в. Запретных областей (не только политических, но и морально-этических!), областей, где “этим не шутят”, практически не остается. Особенно ярко это проявляется в современных СМИ, и на этом вопросе мы остановимся несколько подробнее.

Советские газеты доперестроечного периода находились, по меткому выражению М.В. Панова, на “стилистической диете” [Панов 1988: 4]. Тенденция к “динамичности” речи газет, отмеченная в 1988 году М.В. Пановым, продолжается и усиливается в последующий период, на рубеже тысячелетий. Она проявляется также и на телевидении, и в рекламе (которая в советские годы занимала ничтожное место).

Даже такой деловой, сверхстрогий стиль, как календарь, не избежал общей участи! В Санкт-Петербурге издан календарь 2004 года (авторы К. Мелихан и А. Зудин). Обычный календарь, только называется он *Календурь* – и не напрасно. Вот названия месяцев: *Пьянварь, Фигварль, Кошмарт, Сопрель, Сымай, Теплюнь, Жарюль, Августь, Слетябрь, Моктябрь, Гноябрь, Дубабрь*. Пожалуй, единственное действительно удачное из них – *Пьянварь*, но это шутовское переименование неоднократно обыгрывалось и раньше. В 2005 году этот календарь был переиздан.

Газеты используют различные приемы – гиперболы, цитацию, аллюзии, паронимии и др., ср.:

Если человек попал во власть, выковырять его оттуда чрезвычайно сложно (“Независимая газета”, 13 окт. 2003).

Город убитых журналистов (“Независимая газета”, 13 окт. 2003; о втором за последние полтора года убийстве журналиста – редактора “Тольяттинского обозрения”).

Ночные горшки в Урюпинске на полгода “легче” (“Московский комсомолец”; о сокращении на полгода продолжительности альтернативной службы в провинции, например, в Урюпинске).

Scissor Sisters спелась с Чебурашкой; Германский канцлер стал русским отцом [по поводу удочерения Герхардом Шредером девочки из Петербурга] (“Известия”, 17 авг. 2004).

Вторую золотую медаль в Афинах российским спортсменам пришлось добывать с помощью оружия [о соревнованиях стрелков на Олимпиаде в Афинах].

Однако львиную долю среди шуток, используемых в русских СМИ в конце XX – начале XXI в., занимает к а л а м б у р (примеры см. в разделе 4).

4. Характерно, что газеты чаще всего прибегают к языковой игре в заголовках – с целью привлечь внимание, заставить читать статью (зачастую неинтересную). Пожалуй, 2003 год – пик увлечения языковой игрой в СМИ. Уровень языковой игры и ее место в разных газетах различны. Некоторое представление об этом может дать проведенный нами анализ заголовков некоторых газет. Чтобы исключить “сиюминутные факторы”, я намеренно взял газеты (20 газет) за один день (25 сентября 2003 года), т. е. газеты, описывающие в основном одни и те же события.

В 10 московских газетах за этот день я нашел 22 шутовских заголовка.

Удивительно, в этот день бесспорный лидер по использованию шутовских и броских заголовков – “Московский комсомолец” – выступил довольно скромно, его обошел “Труд”.

“Известия” – шуточных заголовков нет.

“Российская газета” – нет.

“Труд” (25 сент. – 1 окт. 2003):

“Яблоко” укатилось далеко от яблони. Губернаторские выборы в Санкт-Петербурге закончились для этой партии неудачей.

В Госдуму рвется СЛОН [Союз людей за образование и науку].

Не МРОТом единым [МРОТ – Минимальная рабочая оплата труда].

Без труда не добьешься правды от суда.

Кто не рискует, тот не ест.

“Советская Россия”:

Канделябристи [заголовок статьи Л. Коврова о событиях октября 1993 г., навеянный репликой музыканта Петрова, обращенной к Ельцину на заседании в Большом театре: “Канделябрами их, канделябрами!”]

“Советский спорт”:

Кто из пациентов премьер-лиги окажется скорее жив, чем мертв? [о худших футбольных командах, которым угрожает вылет из премьер-лиги].

“Московский комсомолец”:

В постели с Бушем.

Бочка дегтя [заголовок статьи Марка Дейча о книге Александра Солженицына “200 лет вместе” – обыгрывание пословицы “Ложка дегтя испортит бочку меда”].

Свежо при Дании (о победе московского “Спартака” над датской командой “Эсберг”).

“Московская правда”:

Победителей осудят (по аналогии с *Победителей не судят*).

Цветы по осени считают (ср : *Цыплят по осени считают*).

“Яблоки” в Санкт-Петербурге закончились? [о поражении партии “Яблоко” на выборах мэра Санкт-Петербурга].

“Коммерсант”:

Дезорганизация объединенных наций [о сессии Генеральной Ассамблеи ООН].

Тони Блэра попросили на выход [об инициативе смещения лидера Лейбористской партии и премьера Великобритании].

Между клизмой и харизмой [о постановке в театре Моссовета пьесы Леонида Зорина “Роковая опечатка”].

Объявив полгода назад о смерти ООН, США вынуждены нести покойника обратно.

“Завтра”:

“Ед” а, “Ед” оки – о партии “Единая Россия” и ее членах.

Средства массовой дезинформации.

“Метро”:

Беломорканал [сигареты]. *Всем фильтрам назло. Беломор канал, канают и будут канать!*

Мэрайя Кэри доступна [о предстоящих концертах известной певицы в Кремлевском дворце].

5. Другие российские газеты (в том числе газеты “второй столицы” – Петербурга) “более строги”, реже используют “подобные шуточки”. Пожалуй, единственное исключение – “Петербургский час пик”. Вот результат обследования 10-и петербургских газет за тот же день – 25 сентября 2003 г. Шуточных заголовков – 9, в два раза меньше, чем в десятке московских газет:

“Санкт-петербургские ведомости” – нет.

“Вечерний Петербург” – нет.

“МК в Петербурге”:

Шевчук онародился (= Стал народным артистом Республики Башкортостан).

“Смена” – нет.

“Невское время”:

Увидеть Москву и умереть. ОТ СТЫДА ЗА ПАРИЖ (о легкоатлетическом турнире 2003 в Москве, где любая победа “весила” 500 тыс. долларов – в несколько раз больше, чем на чемпионате мира 2003 в Париже).

“На страже Родины”:

Стрелять готов: ...пристреливаться тошно.

“Новый Петербург” – нет.

“Новая газета” (25–28 сент.):

Вы имеете право выбирать, но выбранное вами будет использовано против вас.

“Новости Петербурга” (23–29 сент.) – нет.

“Петербургский час пик”:

Единственное, что их [грибы и губернатора] объединяет, так это то, что они размножаются спорами.

Вы слышите: грохочут чудачки? [перекличка со стихами Окуджавы: Вы слышите: грохочут сапоги?].

Есть вещи, которые нельзя украсть. Например, ваш ВКЛАД в историю.

Автомобиль не роскошь, а средство развития машиностроения.

Пока семь раз отмеришь – другие отрежут.

6. Интересно, что увлечение языковой игрой уже через год пошло на спад. В обследованных московских газетах за 13 августа 2004 г. (в основном, тех же, которые были обследованы в сентябре 2003-го года) случаев языковой игры немного:

“Московская правда”:

Кто лев и кто прав (о левшах и правшах).

Приговорили к лечению (решение суда о принудительном лечении от наркозависимости американской вокалистки Кортни Лав).

“Труд”:

Одиноким предоставляется кладбище [об убийстве хозяев-одиночек и присвоении их квартир].

“Время новостей” – нет.

“Российская газета”:

Теплые воспоминания о холодной войне.

“Известия”:

Министерство внутренних дел Россоссийской Федерации (2 ошибки в печати на заграничном (!) Натальи Гусевой).

“Культура” (12–18 авг. 2004):

Казнить нельзя помиловать.

Ното sapiens за решеткой.

Двадцать шесть иркутских эмиссаров [перекличка с *Двадцать шесть бакинских комиссаров*].

Па де де моря и солнца [о 21-м Международном конкурсе артистов балета в Варне].

“За Калужской заставой” (12-18 авг.):

Бог любит троицу [о рождении тройняшек в семье Горященко].

Расти большим, малый бизнес.

Вьнь и положи рядом с телевизором [о программе телевидения на будущую неделю].

Даже несомненный лидер 2003-го года по употреблению каламбуров и других видов языковой шутки – “Московский комсомолец” (“МК”) несколько охладел к этому способу привлечения внимания читателя. Так, в номере за 13 авг. 2004 г. в заголовках их всего 4 (причем 3 из них однотипны): *щедрый скупердяй*; *горячая 7 фильмов* (= семерка); *горячая 7 сериалов*; *горячая 7 передач*; в номере за 21 авг. 2004 г. – тоже 4: *Попугаев везли в Москву на птичьих правах* (= незаконно); *Военно-пулевой роман* (о супругах-стрелках Алиповых на Олимпиаде в Афинах – перекличка с названием фильма “Военно-полевой роман”); *Мишка пивопалый* (о медведе, обнаружившем в холодильнике и опорожнившем 38 банок пива); *Играй, гормон* (перекличка с *Играй, гармонь*).

7. “Вторая столица” – Петербург тоже переживает процесс охлаждения к шутовско-зазывным заголовкам газетных статей.

Вот данные о “шутливых заголовках” в семи Петербургских газетах за тот же период (14–20 сент. 2004 г.):

“Санкт-Петербургские ведомости” – нет.

“На страже Родины” – нет.

“МК в Питере” – нет.

“Смена”:

Анне Вески нагрели на шубах [о воровстве в сфере мехового бизнеса, которым начала было заниматься эстонская певица].

“Вечерний Петербург”:

Семья – семь “я” [крайне избитая шутка (см. Н. Глазкова), да и не оправданная в смысловом плане: речь идет о девяти художниках из династии Левитиных].

“Новости Петербурга”:

Раскинулись сети широко [о всемирной паутине Интернета].

Как и в 2003 году, фаворитом в Петербурге остался “Петербургский час пик” – но шутливых и броских заголовков тоже немного, а главное – они или неинтересны или неоригинальны:

Голландских окон негасимый свет [о петербургском фестивале “Окно в Нидерланды”].

Как чиновнику построить дачу из камней, брошенных в его огород?

Проявил себя? Закрепи! (Мило, но не оригинально, позаимствовано у А. Кнышева).

8. В следующем, 2005 году тенденция к снижению интереса к “броско-шутливым” газетным заголовкам сохраняется (предупреждаем: мы оперируем достаточно ограниченным материалом – около 20 номеров газет за 17–18 января и за 9 февраля 2005 г.). Заголовков, использующих языковую игру мы нашли в них (в общей сложности) всего 11:

17–18 января:

Социальный пожар потушат деньгами [о протестах льготников] (“Известия”).

Новый “Спартак” родился из пивной пены (“Известия”).

Груз прошлого топит “Волготанкер” (“Известия”).

Танками закидаем [о борьбе с террористами] (“Коммерсант”).

Испания потеряла голос [о смерти испанской певицы Виктории де Лос Анхелес] (“Коммерсант”).

Солдат вылепят из Глинки [о проекте призывать в армию молодых музыкантов] (“Новая газета”).

9 февраля:

Цвет в конце туннеля [вм: свет] (“Культура”).

Равняйся, мирно! [о переговорах Аббаса с террористами] (“МК”).

Время собирать камни [боевой призыв левой оппозиции, использующий известное библейское выражение] (“Завтра”).

Басаев опроверг слухи о своей смерти (“Известия”).

Басаев скорее жив, чем мертв (“Комсомольская правда”).

9. Несомненно, среди центральных и местных газет есть исключения. Это, в частности, “Новая газета”, которая, как и в предшествующие годы, охотно использует шутку в заголовках статей. В каждом из четырех обследованных номеров начала 2005 года (№№ 10, 17, 18, 19) я нашел по четыре-пять таких заголовков:

№ 10 (10.02 – 13.02)

Мир вашему до... [с подзаголовком: *Состоится ли перемирие, объявленное Масхадовым*].

Фрадков многоразового использования.

Пламенный борец [о попытке саможжения противника отмены льгот].

Как важно бить открытыми [об омоновцах, которые “работали” в масках].

№ 17 (10.03 – 13.03)

“Масхадовым” станет Басаев.

Саратовские стройки очистят от строителей.

Вся королевская прать [о ложности мнений генералов, что многие солдаты умирают от неразделенной любви].

Закон божий [о недостатках жилищного законодательства; обыгрывается слово *бож*].

Не заболтали [о постановке в Большом театре балета Д.Д. Шостаковича “Болт”].

№ 18 (14.03 – 16.03)

Всё идет по клану [о господстве клановости в Татарии].

Водителей заставят дышать [о медицинском освидетельствовании водителей на состояние опьянения].

Тело-портация [о продаже женщин в Германию].

Коварно-денежные отношения [вм.: *товарно...*].

Цены из жизни [вм.: *сцены...*].

№ 19 (17.03 – 20.03)

Есть такая профессия – Родину защищать [вм. *защищать*].

У боевиков хороший уход [о выходе бандитов из окружения].

Фрадков фискал, но ничего не нашел [о налоговой политике правительства].

Мэры будут приняты [вм.: *меры*].

Опечатать шаг [вм.: *печатать*].

2. ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Резко менялись на протяжении истории сами функции языковой игры. Исконно основными были (кроме обучающей и маскировочной – см. о них [Санников 2002: 26–30]) развлекательная и “психотерапевтическая”. В XIX и в начале XX века основной была развлекательная функция, в условиях советского тоталитаризма – психотерапевтическая. Самоутверждение путем осмеивания окружающего было оправданной необходимостью в условиях советского тоталитаризма, когда мы остро чувствовали, что “все в бедной отчизне преступно иль глупо”, и ничего не могли изменить, когда смех оставался единственным общедоступным способом борьбы с окружающим злом. “Юмор – это убежище, в которое прячутся умные люди от мрачности и грязи”, – писал А. Вампилов в записных книжках (цитирую по карт. БАС). “Новая острота обладает таким же действием, как событие, к которому проявляют величайший интерес; она передается от одного к другому, как только что полученное известие о победе” [Фрейд 1925: 18–19].

С началом перестройки картина резко изменилась, на первое место вновь вышла развлекательная функция – развлечь или привлечь внимание, ошарашить (в первую очередь – в рекламе, но и в СМИ тоже).

3. ИЗМЕНЕНИЯ В ЖАНРОВЫХ СОСТАВЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Изменение функций тесно связано с изменением в жанровом составе языковой игры.

1. Пословицы и поговорки, бывшие в Древней Руси одним из основных жанров, широко использующих языковую игру, стали достоянием прошлого, фольклором, – уже давно, вероятно, еще до XIX века. Затем их судьба постигла и жанр афоризма и максим. Этот жанр, жанр “мудрых изречений”, был чрезвычайно распространен и в России, и в Западной Европе, и в Азии (достаточно вспомнить максимы Ларошфуко, многие рубли Омара Хайяма). Однако после XVIII в. так называемые “общезначимые выражения” – сентенции, максимы – становятся не модными и нередко вызывают раздражение и насмешку. Брюсов едко издевался над Леонидом Андреевым за содержащиеся в его произведениях, в частности в “Жизни человека”, истины типа: “Молодость и любовь утешают и в бедности”, “В удаче все льстят, при неуспехе отвертываются” [В. Брюсов, Л. Андреев. “Жизнь человека” в Художественном театре]. Некоторое время жанр афоризмов и “мудрых изречений” сопротивлялся, явился в обновленном виде, используя другие виды языковой шутки – в первую очередь – каламбур.

В наше время сентенции типа: *Не посягай на чужое добро*, или: *В отношениях с людьми избегай трений* выглядят старомодно-занудными. Однако те же сентенции в “каламбурной упаковке” – вполне уместны:

Уголовников тоже влечет к добру, но, к сожалению, к чужому (Н. Глазков).

Что ты скажешь на это, физика? В отношениях между людьми трения ведут к охлаждению (С. Лец).

Впрочем, и в этом обновленном виде “общезначимые выражения” на рубеже III тысячелетия почти полностью исчезают.

2. Еще интереснее и сложнее история самого распространенного жанра комического – анекдота.

Меняется со временем само понятие анекдота. Начать с того, что до конца XVIII да, пожалуй, и в начале XIX века главенствующее положение в этом жанре занимает описание забавных примечательных реальных событий. Словарь русского языка XVIII века определяет анекдот следующим образом: “Рассказ, история (первонач. о событиях тайных, затем о любопытных, достопамятных)”. Потом это значение, сохранившись, стало, однако, периферийным, по оценке МАС – “разговорным”. Предметом анекдота стали вымышленные события и ситуации (хотя сами действующие лица зачастую – реальные, например, Сталин, Чапаев, Брежнев и т.д.).

Самоутверждение путем осмеивания окружающего было, как я уже отмечал, оправданной необходимостью в условиях советского тоталитаризма, и именно анекдот был любимым, чуть ли не единственным способом “отвести душу” в предшествующий семидесятилетний период нашей истории, причем главное место занимал анекдот политический. Достаточно напомнить, что в сборнике Телесина приводится 1001 политический анекдот [Телесин 1986]! На рубеже тысячелетий, в условиях нашей современной бурной общественной жизни наблюдается уменьшение роли анекдота, особенно политического, занимавшего столь важное место в период социализма. Показательно, что в интересной книге [Шмелева, Шмелев 2002] приводится лишь несколько современных политических анекдотов. Самое большое место из анекдотов перестроечного периода занимают анекдоты о новых русских.

4. ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕХНИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО

Существенно менялись со временем не только отношение к комическому и его жанровая привязанность, но и технические (языковые) приемы создания комического. Отметим некоторые из этих изменений.

1. Тенденция к сокращению интереса к латыни наметилась уже в начале XIX века. Эту тенденцию заметил Пушкин (“Латынь из моды вышла ныне”). Впрочем, он несколько опережает события: обыгрывание латыни сокращается, но наблюдается еще на протяжении всего XIX века в художественной литературе – например, у Чехова, ср.:

– Скажите, пожалуйста, как потом жила Софья Михайловна? – С десятью тысячами-то? Плохissime... (“Старость”).

– А вино, надо сознаться, препакуснейшее! *Vinum plochissimum!* (“Аптекарьша”).

Бесспорно, интерес к латыни связан с образованием и врачебной практикой Чехова. Но ведь этот интерес проявляется и в сферах, далеких от медицины, даже в шутильной рекламе. Петр Потемкин, поэт-“сатириконец”, нацарапал на стене в ресторане “Вена”:

В Вене две девицы

Veni, vidi, vici.

(по Ю. Анненков. Дневник моих встреч).

Да и фольклор не чурался латыни (вспомним хотя бы анекдот о крестьянине, который, утомившись от того, что сын-семинарист отлынивает от деревенской работы, прикрываясь латинской речью, тоже переходит на “латынь”: *Сынуус, бери вилиус и иди чистить навозиус*).

2. Общее снижение уровня культуры после октябрьского переворота привело к изменению отношения к использованию (и уж тем более к обыгрыванию) не только латыни, но и других иностранных языков (см. [Новиков 1989]).

Разумеется, отдельные примеры встречаются (например, у Зошенко, Алексея Толстого), но это в основном крайне искаженная макароническая речь.

На рубеже тысячелетий наблюдается возрождение интереса к иностранным языкам (по преимуществу к английскому).

Вот один анекдот на эту тему. Учительница на уроке спрашивает: Петя, what is your name? – Чаво? Обращается к другому: Коля, what is your name? – Чаво? Обращается к третьему ученику: Боря, what is your name? – My name is Боря – Чаво?

Ср. также заголовки в газетах: *Пенси он-лайн* (“Известия”, 25 сент. 2003); *SUN ушла из SUN Interbrew* (“Ведомости”, 13 авг. 2004); *Scissor Sisters снелись с Чебурашкой* (“Известия”, 17 авг. 2004).

Да и латынь снова начинает использоваться, ср.:

Ното сариенс за решеткой (“Культура”, 12–18 авг. 2004).

А потом, обиженный, изуродованный, преданный, он [абажур] переживет последнее глумление: послужит кринолином в детском спектакле и навсегда канет в помоечное небытие. Сик транзит gloria mundi. (Т. Толстая. Любишь – не любишь).

Prior tempore – portior jure [Первый по времени – сильнейший по праву] (Вл. Новиков. Роман с языком).

3. Наиболее интересна, порою драматична, и с т о р и я к а л а м б у р а. На протяжении последних веков меняется: 1) техника каламбура, лингвистические приемы его создания; 2) общественное отношение к каламбуру (социальные факторы); 3) художественно-эстетическое отношение к каламбуру. Этих вопросов мы коснемся вкратце в пунктах 3.1–3.7.

3.1. Техника каламбура. На ранних стадиях развития каламбура авторы ограничиваются простым суммированием смыслов созвучных слов. По такому типу строятся, например, многие каламбуры Д. Минаева. Вот один из них:

На пикнике, под тенью ели

Мы пили более, чем ели.

И зная толк в вине и в эле,

Домой вернулись еле-еле.

В каламбурах этого вида (“каламбурах-соседах”) нет богатого добавочного смысла, обыгрываемые слова “мирно сосуществуют”.

Потом каламбуры стали более технически изощренными. Для каламбура, который условно можно назвать “каламбуром-маской”, характерно резкое столкновение обыгрываемых слов: первоначальное понимание внезапно заменяется другим, ср:

Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их недостатка (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Но ваши протезы – человек способный? – О да! На всё!

И, наконец, наиболее интересный, получивший в последнее время распространение вид каламбура, – “каламбур-семья”, который совмещает признаки двух рассмотренных выше групп. Как в каламбуре-“маске”, обыгрываемые слова резко сталкиваются друг с другом, однако в этом столкновении нет победителя, второе значение не отменяет первое, и это роднит каламбур-“семью” с каламбурами первой группы (группа “соседи”).
Примеры:

И в нелётную погоду можно вылететь со службы (Эмиль Кроткий).

Есть пьесы настолько слабые, что не могут сойти со сцены (С. Лец).

3.2. В XIX–XX вв. каламбур, бесспорно, любимый и самый распространенный, самый “демократический” вид языковой шутки. Судя по сборникам русского фольклора, каламбурное обыгрывание слов не было редкостью и в Древней Руси. В качестве иллюстрации приведем несколько пословиц из рукописного сборника русских пословиц XVII в., изданного П. Симоном:

У Фили пили, да Филю же били.

Звал гостей, а накупил костей.

У сыра дуба, у суха сука привязана сука.

Однако в русской художественной литературе до XVIII в. каламбуры редки. Даже у протопопа Аввакума, прекрасно владеющего приемами комического (например, иронией), их мало, и они, на наш взгляд, не слишком удачны, ср.: “Я и к *объдне* не пошелъ и *объдать* ко князю пришелъ”; “Книгу *Кормъчю* далъ прикащику и онъ *мнѣ* мужика *кормщика* далъ” (примеры по: В.В. Виноградов. Символика Жигия протопопа Аввакума).

В XVIII в. к каламбурам прибегали уже почти все писатели, но употребительность каламбуров была еще невелика – даже у таких признанных мастеров острого слова, как Фонвизин и Крылов (см. [Ходакова 1969]).

В России расцвет каламбура падает на XIX в., особенно на вторую его половину. Одни лишь анекдоты и каламбуры о носе столь многочисленны, что академик В.В. Виноградов говорит о “пестром букете “носологической” литературы” первой половины XIX в., где “мелькали перед глазами читателя носы отрезанные, запеченные, неожиданно исчезающие и вновь появляющиеся”; “...по разным жанрам блуждают “носологические” мотивы, утопая в каламбурах” [Виноградов 1976: 10–18].

Разумеется, история русского каламбура к носологии не сводится, для нее характерно тематическое богатство и разнообразие. Признанный король каламбура Д. Минаев, как известно, “даже к финским скалам бурым обращался с каламбуром”.

Важное место каламбур занимает в творчестве А. Пушкина, Н. Лескова, В. Буренина, М. Салтыкова-Щедрина, поэтов “Искры”, А. Чехова.

XX век – “серебряный век русской литературы” – выводит целую плеяду талантливых юмористов. Достаточно указать А. Аверченко, Н. Тэффи, О. Оршера (О.Л.Д’Ор), О. Дымова и других юмористов, группирующихся вокруг журналов “Сатирикон” и “Новый Сатирикон”, в которых каламбур – частый и желанный гость (а точнее – веселый хозяин).

3.3. После октябрьского переворота, в эпоху “героических свершений” каламбур оказывается не у дел. В интересном исследовании советского каламбура А.А. Щербина отмечает, что некоторые советские литературоведы (напр. В.Фролов) относились к каламбуру пренебрежительно, склонны были отождествлять каламбур с “пустым зубо-скальством”, “комикованием”, “мелким острословием” [Фролов 1952].

Однако этот вид языковой шутки не жалуют и некоторые исследователи, не зараженные социалистической идеологией, – за его доступность, за “примитивность” его техники. З. Фрейд считает каламбур самой многочисленной и “самой дешевой” группой острот [Фрейд 1925: 59]. Чарлз Лэм писал: “Каламбур – это пистолет, из которого выстрелили у самого вашего уха; слуха вы лишитесь – но не разума” (впрочем, он же отмечал: *Каламбур – материя благородная. Чем он хуже сонета? – Лучшие* (Суета сует)).

Не жаловали каламбур и некоторые писатели. Так, Наталья Ильина в рассказе “Реформатский” пишет:

Каламбурный юмор всегда мне казался юмором уровня невысокого, и я рада была услышать однажды от А.Т. Твардовского такие слова: “Каламбур годится для домашнего употребления, для застолья, не больше!”

3.4. Как же примирить приведенные отрицательные оценки каламбура (их число можно было бы увеличить) с тем фактом, что каламбуром не брезговали такие взыскательные художники как А. Пушкин, О. Мандельштам, В. Маяковский, В. Набоков, Андрей Белый (последний, правда, со свойственной ему непоследовательностью бросает в “Начале века”: “...каламбур характерен для мозгов мешан”). Удачны многие каламбурные миниатюры Эмиля Кроткого, Ф. Кривина, А. Кнышева.

Критики каламбура не принимают во внимание одно важное обстоятельство, на наш взгляд, полностью каламбур реабилитирующее. Каламбур, как, пожалуй, никакой другой вид языковой шутки, весьма неоднороден по качеству. Это – оборотная сторона доступности каламбура. Хороший каламбур – это большое искусство.

А что уж говорить о фольклоре! Большинство анекдотов (будь то анекдот политический, анекдот о Штирлице, о поручике Ржевском, о “новом русском”) имеет “каламбурную закуску”.

3.5. Если из художественной литературы каламбур искоренить полностью в Советской России так и не удалось, то из “серьезных”, деловых жанров, например из газет, этот “легкомысленный” вид комического в советские годы был успешно изгнан: остались сатира, ирония – в основном при описании “загнивающего Запада” и наших “пережитков старого”. Одно из немногих исключений составляла “Литературная газета”, и то в основном одной лишь 13-й страницей, где было помещено немало языковых шуток, зачастую довольно остроумных. Украшением этой страницы был созданный Вл. Владыным сатирический образ писателя Евг. Сазонова – *великого душелоба и людоведа*.

3.6. То, что из “высших эстетических соображений” высокомерно третировала литература, охотно подхватывается прессой (где раньше каламбур был под запретом – но из соображений политических!). В конце 80-х и в 90-х годах XX века наблюдается некий “каламбурный бум”. Каламбуром охотно пользуются авторы многих газет, журналов, телепередач. Среди этих каламбуров есть и удачные (в частности, многие каламбуры Тимура Кизякова в телепередаче “Пока все дома”), некоторые газетные заголовки, напр.: *Нашла коса на Тамань* [двойная языковая игра – во-первых, переключка с известной поговоркой *Нашла коса на камень*, и, во-вторых, каламбурное обыгрывание слова *коса* (здесь – коса Тузла в Керченском проливе)]; *20 лет с “Покаянием” без покаяния* [о 20-летней годовщине фильма “Покаяние”] (“Российская газета”, 19 авг. 2004).

Но, как правило, техника каламбура очень низка, на уровне начала XIX века (если не ниже).

Газета “Завтра” (скромно именующая себя: “газета Государства Российского”) – орган серьезный, каламбуры здесь редки, но каждый из них – “настоящий перл”. Судите сами: *вождица мировых контролеров рождаемости* [об основателе “Международной федерации планирования семьи” Маргарет Зангер]; *Форос – красный нос; Горбачёв целует локон Иуды* [о Горбачёве, одном из “самых великих предателей в истории человечества”] (А. Проханов, авг. 2004).

Другие газеты (особенно “Московский комсомолец”) также охотно используют каламбур, но и там он зачастую достаточно низкопробен, ср.: 20 марта 2003: *Уголовное тело; Жизнь бьет скрипичным ключом; Культ без личности* [о Василии Сталине]; *США томагавкнули по Ираку; Антиобщественный транспорт*.

24 марта 2003: *Кредитка доверия; Обиженные и ОСКАРБленные* [об отказе артистов участвовать в церемонии присуждения премии Оскар]; *Ой, “нанисты”* [о группе “На-на!”]; *ОКАянные дни* [о необычном высококом паводке на Оке весной 2003-го года].

10 октября: *Ректоров проЕГЭнули* [о вынужденном согласии столичных вузов принимать первокурсников по результатам ЕГЭ – единюго госэкзамена]; *“Яблоко” выкапилось на финишную прямую; Думайте сами – решайте сами: давать или не давать*.

13 октября 2003: *Москвичи стали стукачами* [о демонстрантах, стучавших крышками по алюминиевым кастрюлям]; *Кедровая политика Лужкова. Мэр Москвы умеет сажать* [О посадке кедров на Поклонной горе].

20 авг. 2004: *Екимов не стар. Он – суперстар* [о 38-летнем велосипедисте]; *Лужков выйдет во двор* [о турнире по мини-футболу].

“Советская Россия” 12 авг. 2004: *С тяжелой думой о Думе* (Через несколько месяцев – 2 дек. 2004 г. этот каламбур повторили по отношению к Украинской раде “Известия”: *Рада не рада*).

“Российская газета” 19 авг. 2004: *Озолотились и побронзовели* [о завоевании золотой и бронзовых медалей на Олимпиаде в Афинах]; *Ядреная среда* [о завоевании золотой медали в метании ядра в среду 18 авг. 2004].

Но и здесь, в СМИ, в последнее время наблюдается охлаждение к каламбуру (возможно, временное). Нужно оговориться: разумеется, отдельные примеры каламбурного обыгрывания в газетах встречаются, в первую очередь в “Новой газете” и “Московском комсомольце” (примеры приводились выше, в разд. 1). Нередки каламбуры в фолькло-

ре (ср.: *Сто грамм – не стоп-кран: дёрнешь – не останешься*; [О Василии Ивановиче]: – *А хорошо, Петёк, в деревне лезом – встал, вылил кружку парного молока и в лес. – Да, Василь Иванович, а потом слез и снова спать*).

Да и в художественной литературе они встречаются, причем не только у юмористов, ср.:

Рекламный плакат: *МЕБЕЛЬ. Мы вас обставим* (М. Задорнов).

[Пипка] *рассказала, что нанялась юнгой на пароход, идущий в Японию, ...что капитан отдавал ей честь, а помощник капитана – отбирал* (Т. Толстая. Огонь и пыль).

[Детское восприятие разговоров взрослых]: *...он повесился от болезни мочевого пузыря! А еще до этого его переехало колесом фортуны! Потому что он запутался в долгах и неправильно переходил улицу* (Т. Толстая. Любишь – не любишь).

И у Иуды был преданный друг (А. Кнышев).

“Не видите – я занят”, – надменно произнес туалет (А. Кнышев).

*Россия – странный садовод
и всю планету поражает,
верша свой цикл наоборот:
сперва растит, потом сажает.*

(И. Губерман).

На вопрос: “За что вы любите Пушкина?” Бонди ответил: за то, что он не Горький, не Бедный, не Голодный (М. Гаспаров).

Однако такие примеры сравнительно редки. Жанр “устал” от слишком частого использования и нуждается в отдыхе и обновлении. И все же каламбур живет, он вечен, как вечен питающий его язык – с его непоследовательностями, наименованием разных понятий одним и тем же словом и т. п.

Однако в настоящее время каламбур потеснили более изощренные приемы комического (в первую очередь – перепев, аллюзия, цитация, ирония и др.).

4. П е р е п е в, “перелицовка” широко известных художественных текстов (обычно стихов). Это явление представлялось несколько загадочным. Явное использование чужих стихов долгое время однозначно расценивалось как пародия, – до тех пор, пока не стало совершенно очевидным, что это делается подчас теми, которые не относятся враждебно или насмешливо к “пародируемым” авторам (таким, как Пушкин, Лермонтов), а даже “обожают” их и сами “пародируемые произведения”! Эта тема исчерпывающе полно исследована в блестящей работе о пародии Вл. Новикова (1989), к которой мы и отсылаем читателя. Вл. Новиков отмечает, что уничтожающая эпиграмма В. Курочкина, где фигурируют реакционный историк, юрист и философ Б. Чичерин и сверхреакционный журналист Фаддей Булгарин, направлена против них, а не против Пушкина, чьи стихи были использованы в эпиграмме:

Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи.

Старца Булгарина тень чую смущенной душой.

Еще пример перелева:

И скучно, и грустно, и некого в карты задрать

В минуту карманной невзгоды.

Жену? ... но что толку жену обыграть –

Ведь ей же отдашь на расходы!

(Н. Некрасов)

Вл. Новиков пишет, что перепев – это “один из способов перевода художественной энергии вечных шедевров в сатирическую злободневную энергию” [Новиков 1989: 290].

Но в XX веке перепев, казавшийся в XIX веке новым, необычным и даже загадочным явлением (что это: пародия?), устаревает, хотя иногда используется вполне успешно. Ср.:

Не стесняйся, пьяница, носа своего,

он ведь с нашим знаменем цвета одного (И. Губерман)

– переключка со стихами С. Михалкова о красном пионерском галстук:

Как наденешь галстук, береги его,

Он ведь с нашим знаменем цвета одного.

5. Перепев уступает место цитации, а л л ю з и я м. Они также предполагают достаточно высокий культурный уровень читателя, знакомство с соответствующими используемыми произведениями, но они менее прямолинейны, более изощренны.

Они использовались и в предшествующий период (даже в XIX веке) – чаще всего для создания иронического эффекта.

[Немец-служащий Фридрих Шульц] – *ведь я, говорю, господа, немец, шпрехензидейч, Иван Андрейч, колбасник* (Н. Лесков. Островитяне. 5) [Цитата из Гоголя].

[Товарищ прокурора о даме легкого поведения Папильюткиной] *Убитая была не простая дама, а дама приятная во многих отношениях <...> Она никому не делала зла, она, напротив, всем и каждому, по мере сил своих, стремилась доставить удовольствие. К ней, говоря словами поэта прошлого времени, “шел воин, купец и пастух”* (В. Буренин. Мертвая нога. IX) [Цитаты из Гоголя и Лермонтова].

Еще два примера – цитация стихотворения Пушкина “Памятник”:

И дикий тунгус, и сын степей калмык – все будут говорить: майора Топтыгина послали супостата покорить, а он, вместо того, Чижика съел! (М. Салтыков-Щедрин. Сказки. Медведь на воеводстве).

– *Слава? – перебил Кончеев* [автор сборника стихов “Сообщение”]. – *Не смешите. Кто знает мои стихи? <...> В будущем, может быть, отыграюсь, но что-то уж очень много времени пройдет, пока тунгус и калмык начнут друг у друга вырывать мое “Сообщение”, под завистливым оком финна* (В. Набоков. Дар).

В конце XX века подобные приемы стали более многочисленными и изощренными.

Удачны в этом отношении многие стихи Иртеньева. Вот пример, где содержатся одновременно аллюзии и цитации целого ряда известных произведений – стихов Лермонтова, Есенина, Пастернака (“тысяча биноклей на оси”), советских песен – “Катюша”, “Три танкиста”, “Широка страна моя родная”:

*Выхожу я как-то на дорогу
В старомодном ветхом шушуне,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Впрочем, речь пойдет не обо мне.
На другом конце родного края,
Где по сопкам прыгают сурки,
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.*

(...)

*Хорошо, что в юбочке из плюша
Всем известна зренья остротой,
Вышла своевременно Катюша
На высокий на берег крутой.
И направив прямо в сумрак ночи
Тысячу биноклей на оси,
Рявкнула Катюша что есть мочи:
– Ну-ка, брысь отседа, иваси!
И вдогон добавила весомо
Слово, что не с ходу вставишь в стих.
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.
Я другой страны такой не знаю,
Где оно так распространено,
И упали наземь самураи,
На груди рванувши кимоно.*

По насыщенности цитациями рекорд принадлежит, видимо, Татьяне Толстой (он может быть внесен в книгу рекордов Гиннеса). В ее рассказе “Сюжет” рассматривается другой возможный исход дуэли Пушкина: убит на дуэли Дантес, а Пушкин – опасно ранен в грудь, но выздоравливает. Бред раненого Пушкина – сплошные аллюзии, интерес-

ные не только чрезвычайной концентрацией, но, главным образом, своей “вневременностью”: в грезы Пушкина Толстая включает не только образы окружающих раненого реальных людей (его врача Даля) и не только цитаты из самого Пушкина и его современников, но и (что особенно интересно) цитаты из литературы послепушкинской, даже из литературы и фольклора XX-го века (Блок, Брюсов, Мандельштам, Пастернак, Хармс, Набоков, советские песни). Казалось бы: недостаточно оправданно! Но – не иллюстрация ли это неоднократно высказанной мысли, что вся наша литература “вышла из Пушкина”?

Пушкину грезятся огни, стрельба, крики, Полтавский бой, ущелья Кавказа, поросшие мелким и жестким кустарником, один в вышине, топот медных копыт, карла в красном колпаке, Грибоедовская телега, ему мерещится прохлада пятигорских журчащих вод – кто-то положил остужающую руку на горячий лоб – Даль? – Даль. Даль заволакивает дымом, кто-то падает, подстреленный, на лужайке, среди кавказских кустиков, мушмулы и каперсов; это он сам, убит, – к чему теперь рыдания, пусть похвал ненужный хор? – шотландская луна льет печальный свет на печальные поляны, поросшие развесистой клюквой и можучей, до небес, морошкой; прекрасная калмычка, неистово, туберкулезно кашляя, – тварь дрожащая или право имеет? – переламывает над его головой зеленую палочку – гражданская казнь; что ты шьешь, калмычка? – Портка. – Кому? – Себя. Еще ты дремлешь, друг прелестный? Не спи, вставай, кудрявая! Бессмысленный и беспощадный мужичок, наклонившись, что-то делает с железом, и свеча, при которой Пушкин, трепещи и проклиная, с отвращением читает полную обмана жизнь свою, колеблется на ветру. Собаки рвут младенца, и мальчики кровавые в глазах. Расстрелять, – тихо и убежденно говорит он, – ибо я перестал слышать музыку, румынский оркестр и песни Грузии печальной, и мне на плечи кидается анчар, но не волк я по крови своей: и в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть. Встал, жену убил, сонных зарубил своих малюток. Гул затих, я вышел на подмости, я вышел рано, до звезды, был, да весь вышел, из дому вышел человек с дубинкой и мешком. Пушкин выходит из дома босиком, под мышкой сапоги, в сапогах дневники. Так души смотрят с высоты на ими сброшенное тело. Дневник писателя. Записки сумасшедшего. Записки из Мертвого дома. Ученые записки географического общества. Я синим пламенем пройду в душе народа, я красным пламенем пройду по городам. Рыбки плавают в кармане, впереди неясен путь. Что ты там строишь, кому? Это, барин, дом казенный, Александровский централ. И музыка, музыка, музыка вплетается в пень мое. И назовет меня всяк сущий в ней язык. Еду ли ночью по улице темной, то в кибитке, то в карете, то в вагоне из-под устриц, ich sterbe, – не тот это город, и полночь не та. Много разбойники пролили крови честных христиан! Конь, голубчик, послушай меня... Р, О, С, – нет, я букв не различаю... И понял вдруг, что я в аду.

6. Фокусы с оформлением характерны и для предшествующего периода, для XIX века. Это, например, уже приводимые мной в других работах фигурные стихи или расчленение словоформы, ср.:

Бокал из “Вены”

*Испугались литераторы
разбежались плагиаторы
как в “Давыдку” я пришел
крикнул: “Лива!”, сел за стол
меня вывели лакеи, взял
под ручку полисмен
дал тихохонько по шее
старый хрен
просыпа-
юсь,
н
е*

т
п
у
т
и

*Удивляюсь, изумляюсь
я в Коломенской части.*

(пародия Венского на стихи И. Рукавишников) [Новиков 1989: 423].

К концу XX века вышли из употребления некоторые технические приемы, в частности, рискованное использование замысловатой составной рифмы с переносом посередине слова (цитирую по: (Рус. лит. XX в.)):

*Екатерина по-
Ехала в Царское Село...*
(В. Третьяковский).

*Куполами серой жимолости
Лампа светом тени вымела. Сте-
Мнело...*

(Вл. Нарбут. Стихи. 1909).

Развитие типографской базы подстегнуло в XX веке к новым “вольностям” – сочетание латинских и русских букв, крупного шрифта и мелкого: *SOSedi* – рубрика газеты “Московский комсомолец” о событиях в ближнем Зарубежье; *Шоу must go on*; *ВУЗnews* (“Московский комсомолец”, 25 сент. 2003); *Цветков* [о питерском певце Алексее Цветкове] (“Новости Петербурга”); *Великая Victoria* [название украинской выставки, злодствующей над поражением России в Крымской войне 1953–56 гг.].

WELCOME?! Как поболеть за границей (“Советский спорт”, 25 сент. 2003).

Популярно разбиение заголовка на первую, верхнюю часть и нижнюю (верхняя шокирует, привлекает внимание, но уточняется, а то и отменяется нижней, напечатанной обычно мелким шрифтом), ср.:

ВРАЧИ БОРЮТСЯ ЗА СМЕРТЬ ПАЦИЕНТА

До их вмешательства
(“Коммерсант” 11 авг. 2004).

АНАТОЛИЮ ЧУБАЙСУ ДАЛИ ДВА ГОДА

РАО “ЕЭС России” будет ликвидировано в 2006 году
(“Известия”, 6 дек. 2004).

5. АБСУРД, ПАРАДОКС, ИРОНИЯ

Эти виды словесной шутки принципиально отличаются от других, ранее рассмотренных (в первую очередь – от каламбура и паронимазии), – настолько, что можно даже сомневаться в правомерности включения их в данное исследование, посвященное языковой шутке.

В каламбуре и паронимазии превалирует формальная сторона (звуковое тождество или сходство слов или словосочетаний), смысловая отступает на второй план, а иногда ее и вообще нет, ср. минаевское:

*На пикнике, под тенью ели
Мы пили более, чем ели.*

Приращения смысла здесь нет. Если иметь в виду только смысловую сторону (отвлекаясь от рифмы, размера), то содержательно равноценными приведенным были бы строки

*На пикнике, под тенью сосны (березы, клена, ивы и т. д.),
Мы пили более, чем ели.*

В абсурдистской остроте, парадоксе, иронии – напротив, превалирует игра не с формой, а со смыслом. Иногда – исключительно со смыслом.

1. Абсурдистская острота – “нелепость” [Ожегов 1990]. По З. Фрейду, это – “своеобразный бунт против тирании рассудка” [Дземидок 1974: 42]. Вот несколько ярких примеров этого “бунта” – из русского и английского фольклора:

Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба, и тому пристойные статьи: Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкого вещного топу 13 золотников, светлого тележного скрипу 16 золотников, а принимать то всё по 3 дни неетчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть три дни на морозе нагому, покрывшись от солнечного жаркого луча неводными мережными крылами в однорядь (Лечебник XVIII в.).

Зашел в избу. Вижу: тесто бабу месит. Я усмехнулся, а тесту не понравилось.

Ехала деревня мимо мужика,

Вдруг из-под собаки лают воротá.

В прошлое воскресенье рано утречком, часов примерно в шесть вечера, я плыл на всех парусах через горы, когда повстречался вдруг с двумя всадниками в карете, сидевшими верхом на одном муле, и спросил их, не знают ли они, на какой час назначена свадьба Билла Хэннефорда, которого отпевали вчера в нашей церкви (“Бабушкин дедушка”).

Художественная литература пренебрегала и пренебрегает этим приемом. Впрочем и здесь (особенно в юмористической литературе) он иногда используется, ср.:

Старожилам особенно памятно цунами 1929 года, после которого никого из них в живых не осталось (А. Кнышев).

И очень интересно, что абсурд возродился (правда, в обновленной форме) в лириках, в западной драме абсурда (но это особая тема, и мы не будем ее касаться).

2. Если абсурд – это “нелепость, бессмыслица” (МАС), то парадокс “выражает мысль на первый взгляд абсурдную, но, как потом выясняется, в известной мере правдивую” [Дземидок 1974: 88]. Ср. *У меня не было времени написать короткое письмо, и я написал длинное (Г. Лессинг).*

Парадокс распространен на Западе, особенно в Англии (достаточно вспомнить О. Уайльда, Б. Шоу, Г.К. Честертон и других знаменитых английских писателей). Для России он менее характерен, хотя встречается с давних времен, в том числе и в фольклоре, и в народных представлениях (шутки скоморохов, раешники и т. д.), и в художественной литературе. Смотри, в частности, интересную статью [Ляпон 2001]. Приведем несколько примеров:

Сперва ты меня повози, а там я на тебе поезжу (В. Даль. Пословицы русского народа. I).

– Я доктор-лекарь из-под Каменного моста <...> ко мне приводят на ногах, а увожат на санях (“Доктор и больной”. Рус. драма).

Две вещи я ненавижу больше всего на свете: негров и расизм.

Везде старается он поспеть. Всегда занят и никогда ничего не делает (И. Крылов).

Похвальная речь науке убивать время).

Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,

Проводит тихий век без горя, без заботы,

Своими одами журналы не тягчит

И над экспромтами недели не сидит!

(А. Пушкин. К другу стихотворцу)

По Невскому бежит собака,

За ней Буренин, тих и мил...

Городовой, смотри, однако,

Чтоб он ее не укусил!

(Д. Минаев – о ядовитом критике В.П. Буренине)

Девушка Подзатылкина замечательна только тем, что ничем не замечательна (А. Чехов. Перед свадьбой).

– Вы, я вижу, бескорыстно любите деньги. Скажите, какая сумма вам нравится? (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. II).

Нужно безжалостно отрывать башку всякому, кто порочит высокое звание гуманиста (А. Кнышев).

Демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных (“Правда”, 15 фев. 1990).

3. Однако в XX веке и в России, и в других странах наибольшее распространение получает ирония. Самое простое и традиционное понимание иронии сводит ее к антифразису, употреблению слов в отрицательном смысле, прямо противоположном буквальному, типа: *Эй ты, неутомимый труженик, иди-ка сюда!* (по отношению к лежбежке, отлынивающему от работы). По определению М.В. Ломоносова, “ирония есть, когда через то, что сказываем, противное разумеем” (по [Лук 1977]).

Этот прием широко использовался уже в Древней Руси, в частности, у Ивана Грозного и протопопа Аввакума, ср.:

...присланы к намь гостиницы: повесили на Мезени в дому моемъ двухъ человекъ, детей моихъ духовныхъ (Житие протопопа Аввакума).

Несколько примеров из текстов русской художественной литературы:

Греков протянул руку. – Привет надежде русского вокала (М. Чулаки).

Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,

Ньютоны ненаглядные, любимые до слез!

Ведь лягут в землю общую останки наши бранные,

Земле – ей все едино: апатиты и навоз

(В. Высоцкий).

(вряд ли советские ученые в целом допускают сравнение с Эйнштейном и Ньютоном).

Я пришел к тебе с приветом,

я прочел твои тетради:

в прошлом веке неким Фетом

был ты жутко обокраден

(И. Губерман).

Техника иронии (см. о ней [Походня 1989; Санников 2002]) изменилась на рубеже тысячелетий не очень существенно (все основные технические приемы были отработаны уже в предшествующий период), но резко возрос ее удельный вес в сфере комического, ее роль. И это не только в России, но и в других странах. Многие исследователи, например, Д. Мюкке, отмечают, что ирония – это уже не только и даже не столько стилистический прием, сколько “способ мировосприятия”, “состояние духа”, “способ мышления, незаметно возникший как общая тенденция нашего времени”.

Ирония нередко встречается и в СМИ (примеры см. выше).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. I–XVII. М.; Л., 1950–1965; изд. 2. Т. I–VI. М., 1991–1994.
- Виноградов 1976 – В.В. Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Дзэмидок 1974 – Б. Дзэмидок. О комическом. М., 1974.
- Новиков 1989 – Вл. Новиков. Книга о пародии. М., 1989.
- Земская 1959 – Е.А. Земская. Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М., 1959.
- Земская, Китайгородская, Розанова 1983 – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Языковая игра // Русская разговорная речь. М., 1983.
- Лук 1977 – А.Н. Лук. Юмор, остроумие, творчество. М., 1977.
- Ляпон 2001 – М.В. Ляпон. К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении. № 2. М., 2001.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 2. М., 1981–1984.
- Ожегов 1990 – С.И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 22. М., 1990.

- Панов 1988 – *М.В. Панов*. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. Учебное пособие. М., 1988.
- Походня 1989 – *С.И. Походня*. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев, 1989.
- Рус. лит. XX в. – Русская литература XX века в зеркале пародии. М., 1993.
- Рус. драма – Русская народная драма XVIII–XX веков. М., 1953.
- Санников 2002 – *В.З. Санников*. Русский язык в зеркале языковой игры. Изд. 2. М., 2002.
- Санников 2003 – *В.З. Санников*. Русская языковая шутка. М., 2003.
- Телесин 1986 – 1001 избранный советский политический анекдот / Сост. и ред. Юлиус Телесин. Эрмитаж, 1986.
- Фрейд 1925 – *З. Фрейд*. Остроумие и его отношение к бессознательному / Пер. с 3-го нем. издания Я.М. Когана. М., 1925.
- Фролов 1952 – *В. Фролов*. Заметки о языке советской комедии // Новый мир. 1952. № 8.
- Ходакова 1969 – *Е.П. Ходакова*. Из истории русского каламбура (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969.
- Шмелева, Шмелев 2002 – *Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев*. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М., 2002.